

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС. ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

УДК 347

*Е. М. Ефременко, кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и трудового права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: alena.efremenko@gmail.com*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ПРАВОМЕРНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ПОНИМАНИЕ И НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ

На основе существующих научных подходов к пониманию содержания гражданско-правовой ответственности как меры правомерного принуждения определены возможные направления совершенствования цивилистической доктрины в указанной области, которые могут быть востребованы в нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Исследованы признаки гражданско-правовой ответственности. Рассмотрены вопросы ее видовой принадлежности. Проанализировано соответствие положений теоретической конструкции гражданско-правовой ответственности и ее нормативного закрепления в актах законодательства Республики Беларусь.

Сформулированы предложения, направленные на совершенствование законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, гражданское правоотношение, гражданско-правовое принуждение.

*E. M. Efremenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Civil and Labor Law Department
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: alena.efremenko@gmail.com*

CIVIL LIABILITY IN THE SYSTEM OF LAWFUL COERCION: UNDERSTANDING AND NORMATIVE CONSOLIDATION

Based on existing scientific approaches to understanding the content of civil liability as a measure of lawful coercion, the author aims to formulate possible directions for improving the civil doctrine in this area, which may be vital in rule-making and law enforcement activities.

The elements of civil liability are studied. The issues of its specific affiliation are considered. The correspondence of the provisions of the theoretical structure of civil liability and its normative consolidation in the acts of the legislation of the Republic of Belarus is analyzed.

Proposals aimed at improving the legislation of the Republic of Belarus are formulated.

Keywords: civil liability, civil-law legal relation, civil coercion.

Современная цивилистическая доктрина обеспечения и защиты гражданских прав и законных интересов субъектов посредством реализации мер гражданско-правового принуждения требует дополнительного осмысления с учетом межотраслевого подхода. Наиболее актуальными и требующими решения для последующего совершенствования гражданского законодательства Республики Беларусь и правореализационной практики являются вопросы нормативного

закрепления способов защиты гражданских прав как одной из фундаментальных гражданско-правовых категорий мерами правомерного гражданско-правового принуждения.

Состоявшиеся в Национальном центре законодательства и правовых исследований Республики Беларусь анализ и выявление теоретико-прикладных аспектов ответственности участников гражданских правоотношений в контексте реализации приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь и углубления экономической интеграции в рамках ЕАЭС позволили сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование правового регулирования оснований ее наступления и реализации, в частности, уточнения юридической конструкции субсидиарной ответственности, разработки оснований и условий договорной ответственности, уточнения соотношения понятий «возмещение вреда» и «возмещение имущественных потерь» [1, с. 3–14]. С учетом значимости сформулированных предложений представляется целесообразным расширить объект исследования и актуализировать проблему нормативного закрепления и реализации правомерного гражданско-правового принуждения, одной из наиболее распространенных мер которого является гражданско-правовая ответственность. Указанное согласуется с поливариативностью закрепленных в ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) способов защиты гражданских прав, в представленном перечне которых только возмещение убытков, уплата неустойки и компенсация морального вреда относятся к формам гражданско-правовой ответственности; все оставшиеся способы представляют собой иные превентивные и постфактные меры гражданско-правового принуждения. Кроме того, в современных условиях экологизации и информатизации, когда во всех отраслях частного права возрастает значимость обеспечения и защиты не только частного, но и публичного (государственного и (или) общественного) интереса, наблюдаются тенденции интеграции гражданского, земельного и хозяйственного права, исследование различных элементов института гражданско-правовой ответственности является весьма актуальным, а их решение представляет как научный, так и практический интерес.

Гражданско-правовая ответственность выступает одной из основных правовых мер гражданско-правового принуждения. За истекшие десятилетия подготовлено немало изданий научного, учебного и практико-ориентированного характера, которые предлагают различные подходы к пониманию ее содержания, оснований, признаков, целей, функций и субъектного состава.

В существующей современной цивилистической доктрине к основным признакам гражданско-правовой ответственности относят ее имущественный характер, признание дополнительным обременением для должника, правовосстановительную направленность, в связи с чем взыскание производится по требованию потерпевшей стороны и в ее пользу, а не в доход государства; возможность предварительного согласования сторонами ее формы и размера, когда это не противоречит императивным нормам гражданского права. Однако по причине множественности и дискуссионности научных подходов универсального общепризнанного определения понятия гражданско-правовой ответственности к настоящему моменту не выработано. При этом, как отмечает французский исследователь П. Журден, последние изменения института гражданской ответственности оставляют предчувствие глубоких проблем внутри данного института, и право должно адаптироваться к трансформациям общества и новым требованиям [2].

Предлагая авторские определения гражданско-правовой ответственности, большинство исследователей в качестве основного отраслевого признака называют ее имущественный характер [3, с. 175; 4, с. 173; 5, с. 442]. Вместе с тем в изданиях последнего десятилетия предлагаются и иные трактовки. Так, белорусский правовед В. А. Витушко считает, что «рассмотрение гражданской ответственности как меры сугубо имущественного характера не соответствует узкоотраслевому понятию предмета, метода гражданского права, а также другим его положениям, в том числе общепризнанным принципам международного права» [6, с. 33]. В данной связи ученый предлагает вывод о том, что «меры неимущественного характера являются важнейшей компонентой комплексной гражданско-правовой ответственности и ее признаком» [6, с. 36–37]. Российский исследователь А. А. Лукьянцев указывает на возможность наступления неблагоприятных последствий не только имущественного, но и личного неимущественного характера, но их перечень не конкретизирует [7, с. 648]. Кроме того, в юридической доктрине сформирована устойчивая позиция, в соответствии с которой гражданско-правовая ответственность направлена на восстановление имущественного положения потерпевшей стороны, и поэтому ее рассматрива-

ют исключительно как ответственность перед персонально определенным(-и) субъектом(-ами). Так, В. Ф. Яковлев отмечает, что в отличие от норм административного и уголовного права имущественные блага, включая денежные средства лица, привлеченного к гражданско-правовой ответственности, переходят не к государству, а к потерпевшему лицу [8, с. 6]. И, как следствие, предлагается вывод о том, что не являются гражданско-правовой ответственностью меры хотя и имущественного характера, но взыскиваемые за нарушение гражданско-правовых предписаний в доход государства (например, в случае недопущения реституции) [4, с. 169].

Таким образом, вышеизложенное позволило систематизировать и вынести на обсуждение отдельные вопросы, направленные на совершенствование доктрины гражданско-правовой ответственности в современном информационном обществе, ориентированном на ценность как частных, так и публичных интересов.

Прежде всего представляется оправданным отказаться от неблагоприятных для правонарушителя последствий только имущественного характера как основного признака гражданско-правовой ответственности и дополнить их возможными негативными последствиями организационно-имущественного характера (например, факт расторжения гражданско-правового договора может иметь для стороны (сторон) как возможные неблагоприятные имущественные последствия (возмещение убытков, уплата неустойки и т. д.), так и организационные (прекращение сотрудничества и т. д.). При этом важно отметить, что предлагаемое отдельными авторами включение в данный перечень мер личного характера вряд ли оправдано, так как характер гражданско-правовой ответственности, уточняет В. П. Малахов, «претит поражению (унижению, позорению) личности» и не носит назидательного характера [9, с. 348]. Таким образом, основным определяющим признаком в отнесении юридической ответственности к одному из ее видов может выступать не характер неблагоприятных последствий, а предмет правового регулирования, поскольку негативные для лица имущественные последствия предусмотрены не только частным (в том числе гражданским), но и публичным (в том числе административным и уголовным) правом. Важно также отметить, что во всех отраслях современного права перечень нормативно закрепленных неблагоприятных последствий для правонарушителя постоянно дополняется.

В качестве еще одного направления развития доктрины гражданско-правовой ответственности целесообразно обратиться к конструкции гражданского правоотношения. В частности, большинством цивилистов признается существование абсолютно-определенных гражданско-правовых отношений, хотя среди представителей теоретической юридической науки данная позиция имеет как множество приверженцев, так и противников. Критерием этой классификации выступает степень определенности (персонализации) управомоченной и обязанной сторон правоотношения. Абсолютными называют правоотношения, в которых персонально определена только одна управомоченная сторона, а все субъекты другой стороны (их персонально неопределенное множество – «все и каждый») должны выполнять свои обязанности по отношению к управомоченной персонально определенной стороне (например, конкретный обладатель вещного права на имущество – все остальные лица, конкретный автор произведения, изобретения – все остальные лица и т. п.). В развитие такого подхода формируется концепция, согласно которой императивом существования современного социального государства является фундаментальное требование, согласно которому даже частная собственность должна служить не только личному, но и общему благу, а в случае его невыполнения лицо может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности. В существующей традиционной юридической доктрине посредством имущественной ответственности осуществляется восстановление нарушенного субъективного права потерпевшего, при этом не допускается его неосновательное обогащение, тогда как в отраслях публичного права посредством неблагоприятных последствий имущественного характера обеспечивается взыскание в доход государства. Таким образом, можно сформулировать следующий вывод: поскольку основной функцией гражданско-правовой ответственности является правостановительная, следовательно, признание существования абсолютных правоотношений требует восстановления нарушенных прав не только потерпевшего (персонально-определенного лица), но и коллективного (персонально-неопределенного) в рамках обеспечения публичного интереса, что приобретает особую актуальность в условиях экологизации и цифровизации общества.

Важное слагаемое успешного развития отечественной правовой системы – использование в нормотворческой деятельности актуальных и признанных положений теоретической док-

трины. В рамках заявленной темы интерес представляет устранение неполного соответствия названий разделов и глав актов гражданского законодательства Республики Беларусь их фактическому содержанию. Так, в научных изданиях отмечается, что часто приходится констатировать факт инертности современной отечественной правовой доктрины и, как следствие, частое несоответствие фактического состояния общественных отношений и их описания правовой наукой [10, с. 62]. В частности, гл. 25 ГК названа «Ответственность за нарушение обязательств», однако не все содержащиеся в статьях названной главы правила поведения по своей юридической природе являются мерами гражданско-правовой ответственности. Например, такие предусмотренные императивными или диспозитивными нормами возможные правовые последствия неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства, как отказ кредитора от принятия исполнения, которое вследствие просрочки утратило для него интерес (п. 2 ст. 376 ГК), право кредитора в случае неисполнения должником обязательства требовать передать ему индивидуально-определенную вещь в собственность, хозяйственное ведение, оперативное управление или возмездное пользование и требовать отобрания этой вещи (ч. 1 ст. 369 ГК), обязанность кредитора до предъявления требования к лицу, которое в соответствии с законодательством или условиями обязательства несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником, предъявить требование к основному должнику (ч. 1 п. 1 ст. 370 ГК), обязанность лица, несущего субсидиарную ответственность, до удовлетворения требования, предъявленного ему кредитором, предупредить об этом основного должника, а если к такому лицу предъявлен иск, привлечь основного должника к участию в деле (п. 3 ст. 370 ГК), и ряд других по своей правовой природе выступают мерами превентивного, пресекающего либо постфактного характера, не являющимися гражданско-правовой ответственностью. В данной связи видится оправданным уточнить название гл. 25 ГК и изменить его с «Ответственность за нарушение обязательств» на «Правовые последствия неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств. Ответственность за нарушение обязательств».

Выявленное направление совершенствования гражданского законодательства проиллюстрировано на примере ГК. Однако аналогичная практика акцентирования внимания в названиях различных разделов законов Республики Беларусь только на ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства и включение при этом в их содержание иных различных мер гражданско-правового принуждения является достаточно распространенной. Иллюстрирующими примерами являются следующие: гл. 2 Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» названа «Гражданско-правовая ответственность за нарушение прав потребителя», при этом в ней также содержатся правила поведения, не являющиеся мерами гражданско-правовой ответственности (в соответствии с ч. 2 п. 1 ст. 16 «Гражданско-правовая ответственность продавца (изготовителя, поставщика, представителя, исполнителя) за ненадлежащую информацию о товаре (работе, услуге)» при расторжении договора и (или) возврате потребителю уплаченной за товар (работу, услугу) денежной суммы потребитель обязан вернуть товар (результат работы, если это возможно исходя из его характера) продавцу (изготовителю, исполнителю), что в данном случае выступает мерой защиты в рамках постфактных правовых последствий, но не мерой гражданско-правовой ответственности. Аналогичные выводы можно сделать по итогам анализа п. 5 ст. 16, п. 3 ст. 19 и т. д. В связи с вышеизложенным в целях соответствия названия указанной главы современной юридической конструкции гражданско-правового принуждения обоснованно изложить его в следующей редакции: «Гражданско-правовые последствия нарушения прав потребителя. Гражданско-правовая ответственность за нарушение прав потребителя». Аналогичное изменение названий глав логично осуществить в гл. 6 «Гражданско-правовая ответственность за нарушение договорных обязательств по автомобильной перевозке» Закона Республики Беларусь от 14 августа 2007 г. № 278-З «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках» и др.

Итак, на основании проведенного исследования представляется оправданным сформулировать определение изучаемого понятия. Гражданско-правовая ответственность – это одна из мер правомерного гражданско-правового принуждения, заключающаяся в возложении на правонарушителя предусмотренных нормами гражданского права и (или) соглашением сторон, если

это не противоречит гражданскому законодательству, последствий неблагоприятного имущественного либо организационно-имущественного характера, направленных на восстановление и защиту нарушенных гражданских прав и (или) законных интересов потерпевшей стороны и взыскиваемых в ее пользу, либо обеспечения публичного интереса и взыскиваемых в доход государства. Такое понимание сущности гражданско-правовой ответственности позволит минимизировать дискуссионный и несистематизированный сегодня массив так называемых мер защиты (мер постфактного характера, не связанных с гражданско-правовой ответственностью) в структуре гражданско-правового принуждения, устранив терминологический конфликт со способами защиты гражданских прав (ст. 11 ГК) и выступит логическим развитием признания цивилистической доктриной существования абсолютно-определенных гражданско-правовых отношений, тем самым отвечая актуальному в рамках процессов экологизации и цифровизации обеспечению публичного интереса в отраслях частного права. В рамках научной дискуссии следует обсудить возможность пересмотра определяющего признака гражданско-правовой ответственности, которым может выступить не характер негативных последствий (только имущественные), а предмет правового регулирования, что позволит дополнить негативные последствия санкциями организационно-имущественного характера.

Список использованных источников

1. Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь : сб. материалов VIII Респ. науч. конф. (г. Минск, 24 окт. 2019 г.) / Нац. центр зак-ва и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: С. М. Сивец [и др.]. – Минск : Колорград, 2019. – 308 с.
2. Журден, П. Принципы гражданско-правовой ответственности [Электронный ресурс] / П. Журден // Вестн. граждан. права. – 2021. – № 4 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2023.
3. Гражданское право : учебник / под общ. ред. С. А. Степанова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2021. – 448 с.
4. Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008–2011. – Т. 2 / Т. В. Авдеева [и др.]. – 2010. – 961 с.
5. Колбасин, Д. А. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Д. А. Колбасин. – Минск : Акад. МВД, 2016. – Ч. 1. – 492 с.
6. Витушко, В. А. Понятие гражданско-правовой ответственности и связь с понятием риска / В. А. Витушко // Актуал. проблемы граждан. права. – 2016. – № 2. – С. 32–57.
7. Гражданское право : учебник : в 3 ч. / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2010. – Ч. 1 / А. В. Барков [и др.]. – 704 с.
8. Яковлев, В. Ф. О правовой ответственности / В. Ф. Яковлев // Журн. рос. права. – 2014. – № 1. – С. 5–7.
9. Малахов, В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории : монография / В. П. Малахов, Н. Д. Эриашвили. – 2-е изд. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2020. – 431 с.
10. Бондаренко, Н. Л. Кондиционное право как самостоятельная отрасль права и элемент механизма пруденциального регулирования / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Ю. А. Холинская // Рос. прав. журн. – 2021. – № 2. – С. 61–77.

Дата поступления в редакцию: 15.10.2023

УДК 342

*К. Д. Сазон, кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры конституционного и международного права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: KSazon@list.ru*

ОБ ИСТОЧНИКАХ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Раскрываются особенности построения системы источников конституционного права с учетом внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. Акцентируется внимание на изменении системы и иерархии нормативных правовых